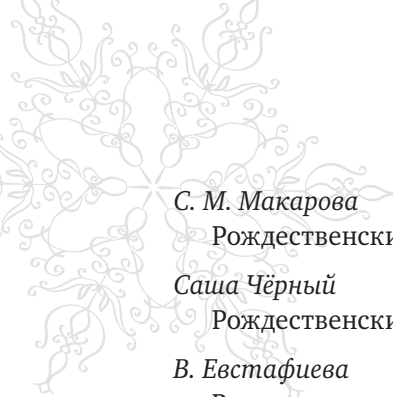

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. И. Куприн</i> Бедный принц	7
<i>А. Фёдоров-Давыдов</i> Хаврошина ёлка	19
<i>В. В. Розанов</i> С Рождеством Христовым!	26
<i>В. А. Никифоров-Волгин</i> Серебряная метель	33
<i>И. С. Шмелёв</i> Рождество	40
<i>К. В. Лукашевич</i> Рождественский праздник	54
<i>Н. И. Манасеина</i> Кирюшка	65
<i>А. В. Круглов</i> В канун Сочельника	85
<i>Л. А. Чарская</i> Ёлка через сто лет	93
<i>А. Аверченко</i> Продувной мальчишка	102
<i>Г. Т. Северцов-Полилов</i> В Рождественскую ночь	110
<i>Н. А. Лухманова</i> Чудо Рождественской ночи	117

<i>С. М. Макарова</i>	
Рождественский фонарь	134
<i>Саша Чёрный</i>	
Рождественский ангел	140
<i>В. Евстафиева</i>	
Ваня	146
<i>И. А. Бунин</i>	
Волхвы	161
<i>И. Потапенко</i>	
Бурная ночь	165
<i>А. Н. Толстой</i>	
Ёлка.....	178
<i>Д. В. Григорович</i>	
Зима.....	184
<i>Е. Н. Поселянин</i>	
Святочные дни	195
<i>Л. Андреев</i>	
Ангелочек.....	203

А. И. КУПРИН

БЕДНЫЙ ПРИНЦ

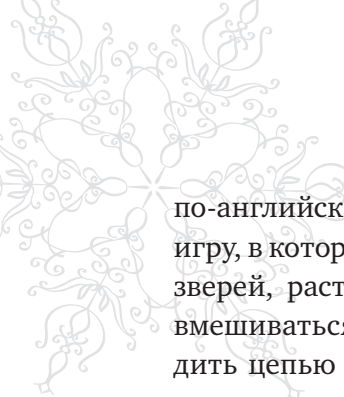

I

«Замечательно умно! — думает сердито девяти-
«З летний Даня Иевлев, лёжа животом на шкуре
белого медведя и постукивая каблук о каблук
поднятых кверху ног. — Замечательно! Только
большие и могут быть такими притворщиками. Са-
ми заперли меня в тёмную гостиную, а сами раз-
влекаются тем, что увешивают ёлку. А от меня тре-
буют, чтобы я делал вид, будто ни о чём не догады-
ваюсь. Вот они какие — взрослые!»

На улице горит газовый фонарь, и золотит мо-
розные разводы на стеклах, и, скользя сквозь ли-
стья латаний и фикусов, стелет лёгкий золотистый
узор на полу. Слабо блестит в полутьме изогнутый
бок рояля.

«Да и что весёлого, по правде сказать, в этой ёл-
ке? — продолжает размышлять Даня. — Ну, при-
дут знакомые мальчики и девочки и будут притво-
ряться, в угоду большим, умными и воспитанными
детьми... За каждым гувернантка или какая-ни-
будь старенькая тётя... Заставят говорить все время

по-английски... Затеют какую-нибудь прескучную игру, в которой непременно нужно называть имена зверей, растений или городов, а взрослые будут вмешиваться и поправлять маленьких. Велят ходить цепью вокруг ёлки и что-нибудь петь и для чего-то хлопать в ладоши; потом все усядутся под ёлкой, и дядя Ника прочитает вслух ненатуральным, актёрским, «давлучим», как говорит Сонина няня, голосом рассказ о бедном мальчике, который замерзает на улице, глядя на роскошную ёлку богача. А потом подарят готовальню, глобус и детскую книжку с картинками... А коньков или лыж уж наверно не подарят... И пошлют спать.

Нет, ничего не понимают эти взрослые... Вот и папа... он самый главный человек в городе, конечно, самый учёный... недаром его называют городской головой... Но и он мало чего понимает. Он до сих пор думает, что Даня маленький ребёнок, а как бы он удивился, узнав, что Даня давным-давно уже решил стать знаменитым авиатором и открыть оба полюса. У него уже и план летающего корабля готов, нужно только достать где-нибудь гибкую стальную полосу, резиновый шнур и большой, больше дома, шёлковый зонтик. Именно на таком аэроплане Даня чудесно летает по ночам во сне».

Мальчик лениво встал с медведя, подошёл, волоча ноги, к окну, подышал на фантастические морозные леса из пальм, потёр рукавом стекло. Он худощавый, но стройный и крепкий ребёнок. На нём коричневая из рубчатого бархата курточка, такие

же штанишки по колено, чёрные гетры и толстые штилеты на шнурках, отложной крахмальным воротник и белый галстук.

Светлые, короткие и мягкие волосы расчёсаны, как у взрослого, английским прямым пробором. Но его милое лицо мучительно бледно, и это происходит от недостатка воздуха: чуть ветер немного по сильнее или мороз больше шести градусов, Даню не выпускают гулять. А если и поведут на улицу, то полчаса перед этим укутывают: гамаши, меховые ботики, тёплый оренбургский платок на грудь, шапка с наушниками, башлычок, пальто на гагачьем пуху, беличьи перчатки, муфта... опротивеет и гулянье! И непременно ведёт его за руку, точно маленького, длинная мисс Дженерс со своим красным висячим носом, поджатым прыщавым ртом и рыбьими глазами. А в это время летят вдоль тротуара на одном деревянном коньке весёлые, краснощёкие, с потными счастливыми лицами, уличные мальчишки, или катают друг друга на салазках, или, отломив от водосточной трубы сосульку, сочно, с хрустением жуют её. Боже мой! Хотя бы раз в жизни попробовать сосульку. Должно быть, изумительный вкус. Но разве это возможно! «Ах, простуда! Ах, дифтерит! Ах, микроб! Ах, гадость!»

«Ох, уж эти мне женщины! — вздыхает Даня, серьёзно повторяя любимое отцовское восклицание. — Весь дом полон женщинами — тётя Катя, тётя Лиза, тётя Нина, мама, англичанка... Женщины, ведь это те же девчонки, только старые...

Ахают, суетятся, любят целоваться, всего пугаются — мышей, простуды, собак, микробов... И Даню тоже считают точно за девочку... Это его-то! Предводителя команчей, капитана пиратского судна, а теперь знаменитого авиатора и великого путешественника! Нет! Вот назло возьму, насушу сухарей, отолью в пузырьёк папиного вина, скоплю три рубля и убегу тайком юнгой на парусное судно. Денег легко собрать. У Дани всегда есть карманные деньги, предназначенные на дела уличной благотворительности».

Нет, нет, всё это мечты, одни мечты... С большими ничего не поделаешь, а с женщинами тем более. Сейчас же схватятся и отнимут. Вот нянька говорит часто: «Ты наш принц». И правда, Даня, когда был маленький, думал, что он — волшебный принц, а теперь вырос и знает, что он бедный, несчастный принц, заколдованный жить в скучном и богатом царстве.

2

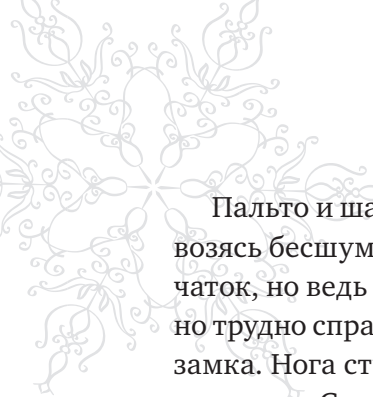
Окно выходит в соседний двор. Станный, необычный огонь, который колеблется в воздухе из стороны в сторону, поднимается и опускается, исчезает на секунду и опять показывается, вдруг остро привлекает внимание Дани. Продышав ртом на стекле дыру побольше, он приникает к ней глазами, закрывшись ладонью, как щитом, от света фонаря. Теперь на белом фоне свежего, только что выпавшего снега он ясно различает небольшую, тесно

сгрудившуюся кучку ребятишек. Над ними на высокой палке, которой не видно в темноте, раскачивается, точно плавает в воздухе, огромная разноцветная бумажная звезда, освещённая изнутри каким-то скрытым огнём.

Даня хорошо знает, что всё это — детвора из соседнего бедного и старого дома, «уличные мальчишки» и «дурные дети», как их называют взрослые: сыновья сапожников, дворников и прачек. Но Данино сердце холодеет от зависти, восторга и любопытства. От няньки он слышал о местном древнем южном обычае: под Рождество дети в складчину устраивают звезду и вертеп, ходят с ними по домам — знакомым и незнакомым, — поют колядки и рождественские кантики и получают за это в виде вознаграждения ветчину, колбасу, пироги и всякую медную монету.

Безумно смелая мысль мелькает в голове Дани, — настолько смелая, что он на минуту даже прикусывает нижнюю губу, делает большие, испуганные глаза и съёживается. Но разве в самом деле он не авиатор и не полярный путешественник? Ведь рано или поздно придётся же откровенно сказать отцу: «Ты, папа, не волнуйся, пожалуйста, а я сегодня отправлюсь на своём аэроплане через океан». Сравнительно с такими страшными словами, одеться потихоньку и выбежать на улицу — сущие пустяки. Лишь бы только, на его счастье, старый толстый швейцар не торчал в передней, а сидел бы у себя в каморке под лестницей.

Пальто и шапку он находит в передней ощупью, возясь бесшумно в темноте. Нет ни гамаш, ни перчаток, но ведь он только на одну минутку! Довольно трудно справиться с американским механизмом замка. Нога стукнулась о дверь, гул пошёл по всей лестнице. Слава богу, ярко освещённая передняя пуста. Задержав дыхание, с бьющимся сердцем, Даня, как мышь, проскальзывает в тяжёлые двери, едва приотворив их, и вот он на улице! Чёрное небо, белый, скользкий, нежный, скрипящий под ногами снег, беготня света и теней под фонарём на тротуаре, вкусный запах зимнего воздуха, чувство свободы, одиночества и дикой смелости, — всё это как сон!..

3

«Дурные дети» как раз выходили из калитки соседнего дома, когда Даня выскочил на улицу. Над мальчиками плыла звезда, вся светившаяся красными, розовыми и жёлтыми лучами, а самый маленький из колядников нёс на руках освещённый изнутри сделанный из картона и разноцветной папиросной бумаги домик — «вертеп Господень». Этот малыш был не кто иной, как сын иевлевского кучера. Даня не знал имени, но помнил, что этот мальчуган нередко вслед за отцом с большой серьёзностью снимал шапку, когда Дане случалось проходить мимо каретного сарая или конюшни.

Звезда поравнялась с Даней. Он нерешительно посопел и сказал баском:

Бедный принц

— Господа, примите и меня-а-а...

Дети остановились. Помолчали немного. Кто-то сказал сиплым голосом:

— А на кой ты нам ляд?!

И тогда все заговорили разом:

— Иди, иди... Нам с тобой не велено водиться...

— И не треба...

— Тоже ловкий... мы по восьми копеек сложились...

— Хлопцы, да это же иевлевский паныч, Гаранька, это — ваш?..

— Наш!.. — с суровой стыдливостью подтвердил мальчишка кучера.

— Проваливай! — решительно сказал первый, осипший, мальчик. — Нема тут тебе компании...

— Сам проваливай, — рассердился Даня, — здесь улица моя, а не ваша!

— И не твоя вовсе, а казённая.

— Нет, моя. Моя и папина.

— А вот я тебе дам по шее, — тогда и узнаешь, чья улица...

— А не смеешь!.. Я папе пожалуюсь... А он тебя высекет...

— А я твоего папу ни на столечко вот не боюсь... Иди, иди, откудава пришёл. У нас дело товариское. Ты небось денег на звезду не давал, а лезешь...

— Я и хотел вам денег дать... целых пятьдесят копеек, чтобы вы меня приняли... А теперь вот не дам!..

— И всё ты врёшь!.. Нет у тебя никаких пятьдесят копеек.

— А вот нет — есть!..

— Покажи!.. Всё ты врёшь...

Даня побренчал деньгами в кармане.

— Слышишь?..

Мальчики замолчали в раздумье. Наконец сильный высморкался двумя пальцами и сказал:

— Ну-к что ж... Давай деньги — иди в компанию. Мы думали, что ты так, на шермака хочешь!.. Петь можешь?..

— Чего?..

— А вот «Рождество Твоё, Христе Боже наш»... колядки ещё тоже...

— Могу, — сказал решительно Даня.

4

Чудесный был этот вечер. Звезда останавливалась перед освещёнными окнами, заходила во все дворы, спускалась в подвалы, лазила на чердаки. Остановившись перед дверью, предводитель труппы — тот самый рослый мальчишка, который недавно побранился с Даней, — начинал сиплым и гнусавым голосом:

— Рождество Твоё, Христе Боже наш...

И остальные десять человек подхватывали вразброд, не в тон, но с большим воодушевлением:

— Воссия мирови свет разума...

Иногда дверь отворялась, и их пускали в переднюю. Тогда они начинали длинную, почти беско-

нечную колядку о том, как шла царевна на крутую гору, как упала с неба звезда красна, как Христос народился, а Ирод сомутился. Им выносили отрезанное щедрой рукой кольцо колбасы, яиц, хлеба, свиного студня, кусок телятины. В другие дома их не пускали, но высылали несколько медных монет. Деньги прятались предводителем в карман, а съестные припасы складывались в один общий мешок. В иных же домах на звуки пения быстро распахивались двери, выскакивала какая-нибудь рыхлая толстая баба с веником и кричала грозно:

— Вот я вас, лайдаки, голодранцы паршивые...
Гэть!.. Кыш до дому!

Один раз на них накинулся огромный городской, закутанный в остроконечный башлык, из отверстия которого торчали белые, ледяные усы:

— Що вы тут, стрекулисты, шляетесь?.. Вот я вас в участок!.. По какому такому праву?.. А?..

И он затопал на них ногами и зарычал зверским голосом.

Как стая воробьёв после выстрела, разлетелись по всей улице маленькие христославщики. Высоко прыгала в воздухе, чертя огненный след, красная звезда. Дане было жутко и весело скакать галопом от погони, слыша, как его штиблеты стучат, точно копыта дикого мустанга, по скользкому и неверному тротуару. Какой-то мальчишка, в шапке по самые уши, перегоняя, толкнул его неловко боком, и оба с разбега ухнули лицом в высокий сугроб. Снег сразу набился Дане в рот и в нос. Он был нежен

и мягок, как холодный невесомый пух, и прикосновение его к пылавшим щекам было свежо, щекотно и сладостно.

Только на углу мальчишки остановились. Городовой и не думал за ними гнаться.

Так они обошли весь квартал. Заходили к лавочникам, к подвальным жителям, в дворницкие. Благодаря тому, что выхоленное лицо и изящный костюм Дани обращали общее внимание, он старался держаться позади. Но пел он, кажется, усерднее всех, с разгоревшимися щеками и блестящими глазами, опьянённый воздухом, движением и необыкновенностью этого ночного бродяжничества. В эти блаженные, весёлые, живые минуты он совершенно искренно забыл и о позднем времени, и о доме, и о мисс Дженерс, и обо всём на свете, кроме волшебной колядки и красной звезды. И с каким наслаждением ел он на ходу кусок толстой холодной малороссийской колбасы с чесноком, от которой мёрзли зубы. Никогда в жизни не приходилось ему есть ничего более вкусного!

И потому при выходе из булочной, где звезду угостили тёплыми витушками и сладкими крендельками, он только слабо и удивленно ахнул, увидя перед собою нос к носу Нину и мисс Дженерс в сопровождении лакея, швейцара, няньки и горничной.

— Слава тебе господи, нашёлся наконец!.. Боже мой, в каком виде! Без калош и без башлыка! Весь дом с ног сбился из-за тебя, противный мальчишка!

Славильщиков давно уже не было вокруг. Как недавно от городского, так и теперь они приснули в разные стороны, едва только почуяли опасность, и вдали слышался лишь дробный звук их торопливых ног.

Тётя Нина — за одну руку, мисс Дженерс — за другую повели беглеца домой. Мама была в слезах — бог знает, какие мысли приходили ей за эти два часа, когда все домашние, потеряв головы, бегали по всем закоулкам дома, по соседям и по ближним улицам. Отец напрасно притворялся разгневанным и суровым и совсем неудачно скрывал свою радость, увидев сына живым и невредимым. Он не меньше жены был взволнован исчезновением Дани и уже успел за это время поставить на ноги всю городскую полицию.

С обычной прямоотой Даня подробно рассказал свои приключения. Ему пригрозили назавтра тяжёлым наказанием и послали переодеться. Он вышел к своим маленьким гостям вымытый, свежий, в новом красивом костюме. Щёки его горели от недавнего возбуждения, и глаза весело блестели после мороза. Очень скучно было притворяться благовоспитанным мальчиком, с хорошими манерами и английским языком, но, добросовестно заглаживая свою недавнюю вину, он ловко шаркал ножкой, целовал ручку у пожилых дам и снисходительно развлекал самых маленьких малышей.

— А ведь Дане полезен воздух, — сказал отец, наблюдавший за ним издали, из кабинета. — Вы

дома его слишком много держите взаперти. Посмотрите, мальчик пробежался, и какой у него здоровый вид! Нельзя держать мальчика всё время в вате.

Но дамы так дружно накинулись на него и наговорили такую кучу ужасов о микробах, дифтеритах, ангинах и о дурных манерах, что отец только замахал руками и воскликнул, весь сморщившись:

— Довольно, довольно! Будет... будет... Делайте, как хотите... Ох, уж эти мне женщины!..

1909

А. ФЁДОРОВ-ДАВИДОВ

ХАВРОШИНА ЁЛКА

СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ

I

На самом краю деревни Деурина стояла избёнка солдатской вдовы Арины Паниной. Незадолго до Рождества, этак дней за пять, приехала к Арине из Питера старшая сестра Варвара, с которой она лет десять не видалась.

Обрадовалась сестре Арина, расцеловались сёстры, и пошли у них разговоры без конца.

Служила Варвара десять лет в няньках у богатых господ; а как барчата их подросли, она и отошла от места. Жила Варвара у господ, как сыр в масле каталась: еда хорошая, на праздники подарки дарят: либо шубёнку, либо платье, либо деньгами. Всего было!.. Вон два сундука всяким добром набиты, да триста рублей у неё на хранении лежат... Вот поживёт тётка Варвара у сестрицы, в монастырь деньги внесёт, и дадут ей келейку, чтобы дожить ей тихо, мирно и беспечально...

И видит Арина — сидит перед ней Варвара барыня-барыней: платье шерстяное, шубка на лисьем